

Юрий Березкин

Распространение фольклорных мотивов как обмен информацией, или Где запад граничит с востоком¹

В статье рассматриваются результаты обработки данных о распределении 548 фольклорных мотивов по 309 традициям Старого Света. Интенсивность заимствования мотивов может трактоваться как показатель интенсивности распространения информации в доиндустриальную эпоху. Не считая Америки, Австралии и Океании, наиболее изолированными от нуклеарной Евразии оказались островная Юго-Восточная Азия, а также север и северо-восток Сибири. Евразийские связи Африки южнее Сахары гораздо заметнее. Китайская традиция содержит намного меньше нуклеарно-евразийских параллелей, чем корейская и японская. Внутри самой нуклеарной Евразии выделяются западная и восточная сферы коммуникации. Хотя за последней тенденцией стоит лишь 4 % всей информации, которую факторный анализ способен извлечь из проанализированного материала, именно эта информация отражает важнейшую тенденцию в распространении мотивов в континентальных масштабах.

Ключевые слова: базы данных фольклора, фольклорные указатели, сказочный фольклор, культурные границы, нуклеарная Евразия, Восточная Европа.

Тема статьи — распространение информации между обществами Старого Света в доиндустриальную эпоху. Материалом для исследования служит ареальное распределение фольклорных мотивов. Элементы повествовательных текстов, жестко не связанные с определенной культурной и природной средой, легко заимствуются. Интенсивность заимствований должна отражать частоту и длительность контактов между людьми. Наиболее высокой она была в нуклеарной Евразии. Начиная с эллинистического / ханьского времени, эта территория оказалась пронизана торговыми путями, что способствовало культурному обмену. Здесь находились области с наиболее высокой в мире демографической плотностью, входившие в состав мировых империй. Контакты обществ нуклеарной Евразии с обществами Африки южнее Сахары, Океании и островной Юго-Восточной Азии, не говоря уже об Америке и Австралии, были менее тесными, чем контакты внутри этой зоны. Путем обработки массового фольклорного материала удалось обнаружить различия в степени изоляции периферийных регионов и выявить информационные рубежи в пределах самой нуклеарной Евразии.

Юрий Евгеньевич Березкин
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург / Европейский университет в Санкт-Петербурге
berezkin1@gmail.com

¹ Работа поддержана грантом РФФИ 14-06-00247 «Этапы и факторы формирования фольклорно-мифологических традиций Западной Евразии».

О сюжетах и указателях

Адекватность статистических процедур зависит от надежности базы данных. Постараемся объяснить, чем обусловлен наш выбор аналитических единиц и как они соотносятся с реальным текстовым материалом.

Фольклористы пользуются фольклорными указателями двух типов — указателем элементарных мотивов С. Томпсона [Thompson 1955–1958] и указателем сюжетов (tale-types) международного фольклора — от первого варианта, созданного А. Аарне, до указателя Г.-Й. Утера [Aarne 1910; Aarne, Thompson 1961; Uther 2004]. По системе ATU (Aarne — Thompson — Uther) созданы десятки региональных указателей разного масштаба. Ни ту ни другую систему в качестве непосредственного источника для изучения интересующих нас вопросов исторического характера использовать, к сожалению, нельзя.

Указатель элементарных мотивов для того и был создан С. Томпсоном, чтобы описать мировой фольклор, отвлекаясь от региональной специфики [Thompson 1932: 2]. Корневые определения большинства мотивов сформулированы таким образом, чтобы лишить их всякой конкретики (A1730. *Creation of animals as punishment*), а дальнейшие уточнения, напротив, чересчур специфичны (A1731. *Creation of animals as punishment for beating forbidden drum*). Иногда корневое определение включает лишние подробности, для мотива необязательные и характерные только для вариантов, опубликованных в конкретных работах. Примером служит знаменитый мотив «Нырлящик за землей», A812. *Earth Diver*, ориентированный на тексты североамериканских алгонкинов и атапасков.

У Томпсона есть и мотивы, имеющие вполне конкретные определения и описывающие образы и эпизоды, которые распространены широко, но при этом не повсеместно (например, A665.6. *Serpent supports sky*; F67. *White sheep carries to upper world, black to lower*). Однако такие примеры, с одной стороны, составляют лишь ничтожную часть от общего числа мотивов, описанных в указателе, а с другой — отнюдь не охватывают всего набора повторяющихся и регионально специфичных элементов мирового фольклора.

С указателем сюжетных типов связаны проблемы другого рода. А. Аарне создал его в контексте исследований финской школы, целью которой было установить, где сюжет первоначально возник и какими путями распространялся. Эта задача имела отношение к исторической проблематике, но предложенные гипотезы не оправдались, и основные положения финской школы были жестко раскритикованы [Jason 1970].

Тем не менее работы, написанные в подобном духе, появляются до сих пор. Их современным изводом служат исследования, построенные по образцу анализа генома: сюжет расчленяют на элементы и по их соотношению определяют точки бифуркации вариантов [Tehrani 2013]. Существуют сомнения в корректности такой процедуры. В отличие от генотипа эукариот, фольклорные тексты способны наследовать информацию не по вертикали от предковых текстов, а по горизонтали от текстов на другие сюжеты. Вероятность такого заимствования в отдельных случаях неодинакова, но ее возможность очевидна, что делает реконструкцию связей между вариантами ненадежной.

Прямой перенос в фольклористику методов генетики недопустим и по другой причине. Взяв материал для анализа, генетик может быть уверен, что в нем присутствуют все гаплогруппы, характерные для определенного человека, а при достаточной выборке — характерные для всей исследуемой популяции. Однако фольклорист уверен как раз в обратном: учесть всю совокупность фольклорных эпизодов и образов, характерных для отдельной традиции, практически невозможно. Это касается даже превосходно изученных традиций типа русской и тем более традиций вымирающих и плохо описанных. Следовательно, отсутствие определенных эпизодов и образов в анализируемом материале может быть как действительным, так и мнимым, вызванным отсутствием соответствующих полевых исследований либо недоступностью публикаций.

Подобные проблемы можно преодолеть только одним способом — изучая не отдельные сюжеты, а массовый материал и обрабатывая его с помощью методов статистики. При большой выборке несистемные ошибки и пропуски взаимно уравновешивают друг друга, не затемняя основных тенденций. Даже если бы сюжеты всегда развивались от одного корня путем появления и расхождения вариантов (что, как было сказано выше, невероятно), мы вряд ли сумели бы надежно выделить и локализовать этот корень. Однако ничто не мешает оценить степень сходства / различия между совокупностями фольклорных текстов, характерных для разных территорий и различных этнических групп.

Для исследования тенденций ареального распределения массового фольклорного материала указатели по системе ATU полезны. Однако, поскольку задача статистической обработки такого материала разработчиками этой системы все же не ставилась, основой нашей базы данных система ATU быть также не может.

Прежде всего этот указатель европоцентричен и для большей части Старого Света редко дает отсылки к конкретным этническим традициям. Дополнение его региональными указателями не решает проблемы. Некоторые из них вовсе бесполезны, как, например, китайский, в котором содержатся материалы по уйгурам, монголам, мяо и другим группам без уточнения, что речь идет не о ханьцах [Ting 1978]. По арабскому и южноазиатскому указателям [El-Shamy 2004; Thompson, Roberts 1960] этнос лишь иногда можно «вычислить», учитывая ссылки на первоисточники. Для многих регионов указателей не существует вообще.

Еще более существенная проблема связана с описанием сюжетов. По мере удаления от Европы и Западной Азии опознаваемые сюжетные типы исчезают. Для других регионов никто не мешает выделить новые типы, однако утрачивает актуальность и сама жанровая система, лежащая в основе классификации. Более того: для основной зоны Старого Света сюжетные типы АТУ тоже оказываются всего лишь ориентирами в поиске аналогий. Некоторые из предлагаемых АТУ определений позволяют однозначно утверждать, что описанный в определении эпизод действительно характерен для данной традиции и присутствует в публикации, к которой дана отсылка. Однако немало случаев, когда в определении сюжета описывается целая серия эпизодов (как последовательных, так и альтернативных), причем каждый из них может быть представлен в любой из перечисленных в связи с сюжетом традиций, а может и отсутствовать в ней. Тенденции же ареального распределения для отдельных эпизодов никогда полностью не совпадают, а порой и значительно различаются.

Покажу это на примере сюжета 301, *The three stolen princesses* («Три подземных царства» в восточнославянском указателе [Бараг и др. 1979]). Среди полутора десятков эпизодов, которые часто бывают связаны с данным сюжетом и распространение которых прослежено по оригинальным публикациям, выбрано шесть. Как и другие, эти шесть эпизодов могут в разных комбинациях сочетаться друг с другом в текстах, отнесенных в АТУ к сюжету 301, но могут использоваться и в текстах, с данным сюжетом не связанных.

Побратимы и карлик (рис. 1.1). *Из двух или нескольких персонажей каждый последовательно остается дома, или идет за огнем для приготовления пищи, или приносит в дом пищу. Каждый раз появляется некий персонаж, который поедает пищу и / или побеждает оставшегося или пришедшего за огнем.* Помимо нуклеарной Евразии, эпизод популярен в Юго-Восточной Азии и достаточно хорошо представлен южнее Сахары.

Герой помогает птенцам (рис. 1.2). Герой делает добро птенцам (Закарпатье: детенышам летающего змея), а их благодарная мать оказывает ему услугу (обычно приносит в тот локус, куда герой стремится попасть). Этот мотив в глубинах Африки совершенно отсутствует, но зато проникает в Восточную Сибирь и даже зафиксирован у эскимосов Чукотки. Это один из многих эпизодов евразийского сказочного фольклора, который известен по клинописным текстам из Древней Месопотамии («Лугальбанда и орел Анзуд»).

Белый и черный бараны (рис. 1.3). Попад в нижний мир, герой видит белого и черного баранов (реже — коней и пр.). Белый вынесет в верхний мир, черный опустит еще ниже. Обычно герой случайно касается черного. Данный эпизод чрезвычайно характерен для восточного Средиземноморья, но не распространяется дальше Магриба, Среднего Поволжья и Памира.

Змей угрожает птенцам (рис. 1.4). Чудовище водно-хтонической или неопределенной природы поедает или калечит детенышей могучего существа (обычно птенцов птицы). Птица-мать бессильна перед чудовищем, но человек убивает его. Данный эпизод часто (но не всегда) сцеплен с эпизодом 2, однако в Старом Свете занимает по сравнению с эпизодом 2 более компактную территорию. В отличие от остальных, эпизод «Змей угрожает птенцам» представлен в Америке, причем к индейским версиям ближе всего одна из казахских [Berezkin 2014: fig. 1]. В иранском указателе эпизод выделен как особый сюжет 301E [Marzolph 1984].

Свернутое царство (рис. 1.5). Возвращаясь из нижнего мира на землю, похищенная царевна помещает окружающие ее объекты (одежду, дом, «царство») в небольшой предмет (яйцо, клубок и т.п.), который берет с собой. По сравнению с другими эпизод редок и характерен главным образом для Восточной Европы. Правда, некоторые случаи использования данного эпизода могли быть мной не замечены, поскольку соответствующий мотив был включен в каталог лишь недавно. Однако заполнение возможных лакун вряд ли существенно расширит ареал встречаемости данного эпизода.

Кормление птицы Симураг (рис. 1.6). Персонаж должен кормить могущественное существо, регулярно бросая ему куски мяса. Заготовленного не хватает, он отрезает последний кусок от собственной плоти (обычно птица несет героя, куда ему нужно, и он кормит ее в полете). Ареальное распределение примерно как у эпизода 2, но есть и заметное отличие: «Кормление птицы Симураг» отсутствует в Южной Азии.

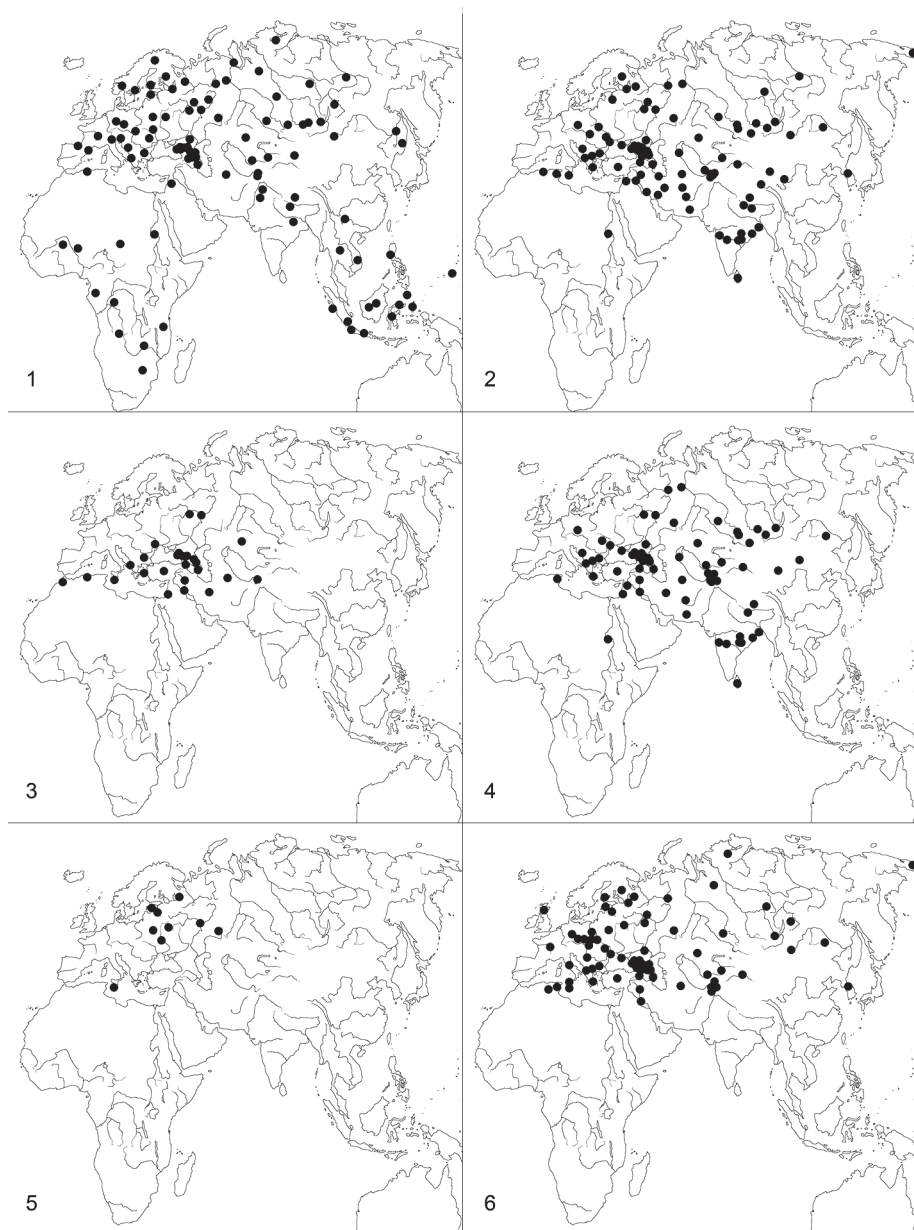

Рис. 1. Ареальное распределение шести мотивов-эпизодов, встречающихся в контексте сюжета АТУ 301:

1. Побратимы и карлик
2. Герой помогает птенцам
3. Белый и черный бараны
4. Змей угрожает птенцам
5. Свернутое царство
6. Кормление птицы Симуург

Наличие или отсутствие отдельных эпизодов в приатлантической Европе, Южной Азии или Африке южнее Сахары для прослеживания трансконтинентальных контактов очень существенно. Однако, как мы только что видели, получить соответствующую информацию из указателей невозможно. Для этого необходимо обращаться к оригинальным публикациям и создавать собственный каталог, в котором набор аналитических единиц обусловлен проблематикой исследований, а не классификациями, созданными для других целей.

Работа над подобным каталогом началась более четверти века назад, а с начала 2000-х гг. он доступен в интернете. Текстовая версия обновляется раз в год <<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin>>, а английские и русские описания мотивов с картами их распространения размещены на интерактивном сайте (пока не в открытом доступе). Статистическая обработка производится на основе корреляционной таблицы, отражающей распространение около 2000 мотивов по почти 1000 традиций. Каждой единице («1») в поле корреляционной таблицы соответствуют в каталоге не только отсылки к источникам, но и резюме текстов, содержащих данный мотив. Это позволяет избежать случайных ошибок, которых немало в ATU, и оценить реальное сходство текстов.

Типы мотивов, репрезентативность данных и нуклеарно-евразийская фольклорная общность

Именно мотив служит для нас основной аналитической единицей. Чаще всего мотивам соответствуют эпизоды наподобие тех, чье распространение представлено на рис. 1. Однако база данных содержит также и мотивы-образы типа «Солнце — женщина» или «Радуга есть змея». Четкой границы между эпизодами и образами провести невозможно. Например, мотив «Белый и черный бараны» из сюжета 301 (рис. 1.3) нетрудно представить и как образ, и как эпизод. Продуктивнее другое деление — на мотивы космологические и этиологические (категория А), с одной стороны, и приключенческо-трикстерские (категория Б) — с другой. Любые мотивы потенциально могут использоваться в текстах любых жанров, но мотивы группы А все же гораздо чаще попадают в «мифологическую прозу», тогда как мотивы группы Б — в «сказки». Практика отдельной обработки мотивов двух категорий показала, что они демонстрируют неодинаковые тенденции ареального распределения и, по-видимому, распространялись в разное время. При этом мотивы категории А далее в свою очередь делятся на группы — от собственно космогонических до описывающих необычные существа и объекты. Тенденции распределения некоторых

мотивов последней группы больше напоминают тенденции распределения приключенческо-трикстерских мотивов, нежели космологических и этиологических, относящихся к категории А. Мотивы категории Б тоже включают две группы (мотивы приключенческие и трикстерские), но особой разницы в их ареальном распространении пока заметить не удалось.

Совместная статистическая обработка мотивов разных категорий нерациональна — по крайней мере в пределах Евразии, где мы имеем, с одной стороны, относительно недавно распространявшиеся сказочные эпизоды, а с другой — космогонические сюжеты, возраст отдельной части которых сопоставим с древностью заселения Америки. При подготовке статьи наша цель состояла в том, чтобы проанализировать только мотивы категории Б (приключенческо-трикстерские) в пределах лишь Старого Света. При этом мотивы, встречающиеся исключительно на периферии Старого Света (в Африке южнее Сахары, Океании и пр.), но отсутствующие в нуклеарной Евразии, из рассмотрения были также исключены.

Как было сказано, обеспечить стопроцентный учет всех мотивов определенной традиции невозможно, а при обработке массового материала и не столь обязательно. Что, однако, необходимо, так это сопоставимая степень изученности сравниваемых традиций. Традиции, которые изучены намного хуже других, при статистической обработке обычно получают нейтральные (близкие к нулю) условные индексы, но то же самое происходит и с хорошо представленными традициями, содержащими в равной пропорции те мотивы, которые в других традициях обычно не сочетаются.

При поиске материала для базы данных требование равномерной изученности постоянно имелось в виду. Если учитывать не вообще все мотивы, а только приключенческо-трикстерские, обработанные при подготовке данной статьи, то для большинства традиций нуклеарной Евразии и Северной Африки их число колеблется в пределах 150 ± 45 (испанцы: 178, французы: 168, эстонцы: 178, марийцы: 154, башкиры: 149, осетины: 151, болгары: 195, кабилы: 114, арабы Египта: 107, арабы Леванта: 151, персы: 167, таджики: 163, буряты: 146, южные алтайцы: 111, японцы: 121). Для Южной Азии, Китая к востоку от Ордо-са и Тибета, континентальной Юго-Восточной Азии, Аравии и северо-восточной Африки цифры меньше и колеблются в пределах 70 ± 25 (хинди-язычные группы северной Индии: 89, сингалы: 91, маратхи: 45, санталы: 81, гонды: 42, бирманцы: 57, шаны: 47, вьеты: 61, мехри и шехри: 63, арабы Судана: 84, китайцы: 78, мяо: 53). В то же время во всех регионах есть более скудно представленные традиции с числом мотивов группы Б

порядка 30 ± 10 (лужичане: 37, вольф: 27, табасаранцы: 32, арабы Саудовской Аравии: 26, шорцы: 32).

О трансконтинентальных закономерностях в распространении мотивов следует судить прежде всего по традициям, которые представлены в базе данных лучше всего. Так, если статистически шорский фольклор окажется недостаточно «центрально-азиатско-сибирским», как алтайский, то этот факт следует объяснять худшей изученностью шорского материала, а не присутствием в нем мотивов, характерных для Европы или Африки и отсутствующих в фольклоре алтайцев. Большинство традиций Восточной и Западной Европы, которые нас сейчас особенно интересуют, представлены в нашей базе данных большим и примерно одинаковым числом учтенных мотивов, так что здесь случайных ошибок, вызванных диспропорцией данных, быть не должно.

С оценкой положения индийского и китайского фольклора в пределах нуклеарной Евразии ситуация сложнее, ибо для этих территорий данных систематически меньше, чем для Европы, Кавказа или Центральной Азии. Об этом немного ниже.

В работе было проанализировано распространение 548 мотивов по 309 традициям. Как число мотивов, так и число традиций, выделенных в базе данных для Старого Света, значительно больше, но привлечены были данные только по тем традициям, для которых число зарегистрированных приключенческо-трикстерских мотивов составляет 20 и более. В результате большинство традиций Океании, Австралии и некоторых других ареалов (в частности, Тайваня) из рассмотрения оказались сразу же исключены.

Данные были обработаны с помощью факторного анализа. Совокупность традиций можно представить в виде облака точек, плотность которого варьируется. Точки (т.е. традиции), содержащие сходные наборы мотивов, расположены рядом друг с другом, а те, в которых общих мотивов меньше всего, друг от друга максимально удалены. Программа находит пары таких сгущений и присваивает каждой точке (т.е. традиции) условное цифровое обозначение — в одном из сгущений со знаком «плюс», а в максимально от него отличном — со знаком «минус». Каждая подобная пара сгущений соответствует одной главной компоненте (ГК). Теоретически число ГК может быть равным числу точек, но практически при большом и гетерогенном материале типа нашего лишь первые две или три компоненты отражают общезначимые результаты, в то время как остальные фиксируют разнообразные частные тенденции. В нашем случае на первые три ГК приходится чуть более 18 % всей информации, из них 4 % — на Вторую ГК, которая

интересует нас больше всего. Однако именно эта информация отражает трансконтинентальные тенденции в распространении мотивов. Почти все остальное — это разнообразные закономерности, проявляющиеся на местном уровне.

Первая ГК (на нее приходится 11,3 % информации) противопоставляет традиции нуклеарной Евразии всем остальным (рис. 2). Поскольку никакой другой сопоставимой по мощности группы приключенческо-трикстерских мотивов в пределах Старого Света не существует, высокие абсолютные значения имеют лишь традиции со знаком «плюс», т.е. нуклеарно-евразийские, тогда как все традиции со знаком «минус» обладают абсолютными значениями менее единицы. Такой результат был обеспечен самим отбором материала: мотивы, которые в нуклеарной Евразии отсутствуют, из рассмотрения были исключены. Это, однако, не касалось мотивов, представленных в Восточной и континентальной Юго-Восточной Азии. Соответственно разница между Южной, Юго-Восточной и Восточной Азией в распространенности нуклеарно-евразийских мотивов не вызвана поставленным нами фильтром. Не обусловлена она и разной обеспеченностью источниками — как было сказано выше, для основных традиций индо-тихоокеанской

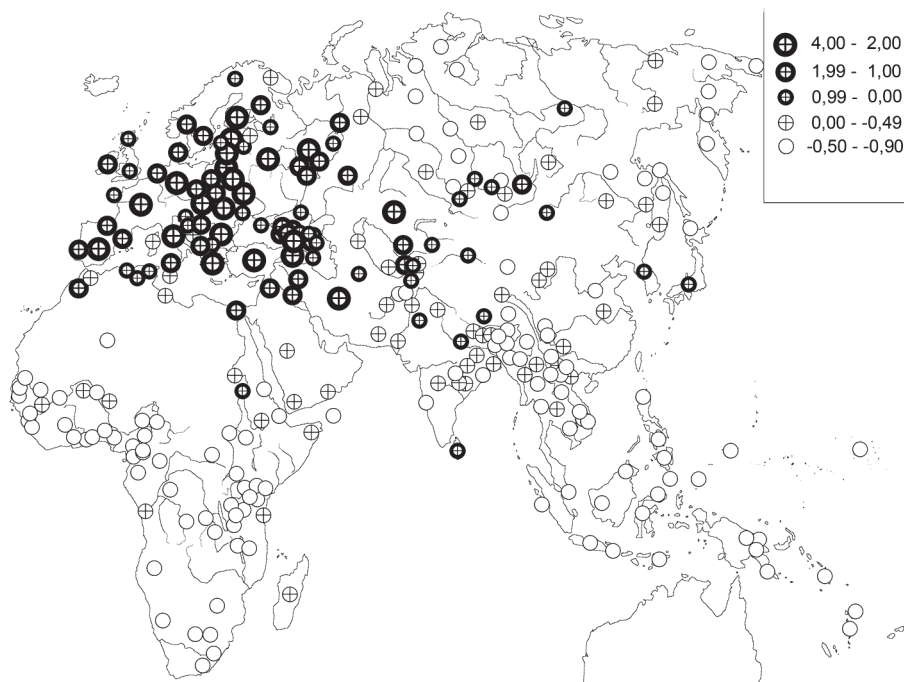

Рис. 2. Результаты анализа распределения 548 приключенческих и трикстерских мотивов, известных в нуклеарной Евразии, по 309 традициям Старого Света. Первая главная компонента (1 ГК)

части Азии разница примерно одинакова (70 ± 25 учетных мотивов для каждой). При этом лучше всего обеспеченные источниками традиции Южной Азии имеют плюсовые индексы (т.е. они содержат достаточно много параллелей с Европой, Кавказом, Монголией и пр.), а у всех (даже наиболее обеспеченных источниками) традиций Китая и Юго-Восточной Азии индексы отрицательные.

Еще более резко Китай контрастирует с Японией и Кореей. В японском фольклоре есть обильные заимствования из фольклора Европы, причем датировка многих из них далеко не ясна. В корейском европейские параллели также присутствуют, но больше аналогий с Центральной Азией. В любом случае корейский и японский фольклор имеют с нуклеарно-евразийским гораздо больше общего, чем китайский.

Вторая существенная тенденция — разница в представленности нуклеарно-евразийских мотивов в Африке южнее Сахары, с одной стороны, и в островной Юго-Восточной Азии — Меланезии — с другой. В обоих регионах все индексы отрицательные, но в Тропической Африке некоторые из них имеют значения от 0 до $-0,49$, а в пределах Нусантары — Меланезии для всех традиций без исключения абсолютные значения отрицательных индексов выше — от $-0,50$ до $-0,85$. Это означает, что островная Юго-Восточная Азия с югом Индокитая и Меланезией были менее достижимы для влияний из нуклеарной Евразии, нежели Африка южнее Сахары. Весьма изолированными регионами являются также север и северо-восток Сибири.

Запад и восток нуклеарной Евразии

Обратимся наконец к основной теме статьи — информационной границе внутри нуклеарной Евразии.

Вторая главная компонента противопоставляет наборы мотивов в фольклорных традициях Западной Европы (с прилегающими Африкой и арабским Ближним Востоком) наборам мотивов в традициях Кавказа, Ирана, Казахстана, Средней и Центральной Азии и Тибета (с прилегающей Сибирью). Наиболее типичным «европейским» фольклором обладают немцы, итальянцы, шведы, латыши, поляки, каталонцы, испанцы, а наиболее типичным «азиатским» — казахи, буряты, грузины, алтайцы, тувинцы, монголы. Не следует придавать слишком большого значения тому месту, которое отдельные традиции занимают в обоих комплексах. По мере включения новых данных этот порядок меняется, так что самыми «азиатскими» могут легко оказаться не казахи, а буряты, а французы могут вытеснить каталонцев. Тем не менее основной состав данных

комплексов стабилен, по крайней мере он не поменялся после включения в каталог более 500 новых текстов. Также на результаты не оказали влияния ни некоторое расширение списка привлекаемых к анализу мотивов, ни его сокращение.

В Восточной Европе граница между западным и восточным комплексами мотивов тянется широкой полосой с севера на юг. Фольклор финнов, эстонцев, латышей, литовцев — типичный «западный». У саамов Норвегии, Швеции и Финляндии, ливов, украинцев и белорусов «западный» тренд чуть слабее, но принадлежность данных традиций к «западным» также сомнений не вызывает. Фольклор всех народов Кавказа, башкир и в немного меньшей степени казанских татар — типичный «восточный». У крымских татар и гагаузов слегка преобладает «восточный» тренд, а у русских, мордвы и сету — «западный». В карельском, вепсском и водском фольклоре «западный» компонент ощущается сильнее, чем у русских и сету, но слабее, чем у финнов или эстонцев. При этом следует учесть, что данных по води и вепсам существенно меньше, чем по карелам и сету, поэтому точное место этих традиций определить затруд-

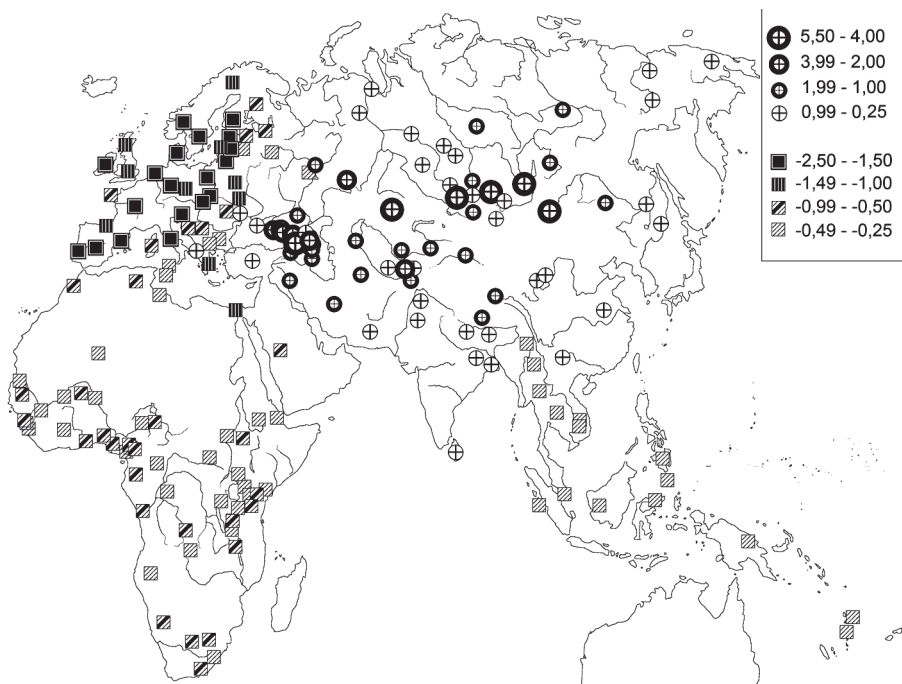

Рис. 3. Результаты анализа распределения 548 приключенческих и трикстерских мотивов, известных в нуклеарной Евразии, по 309 традициям Старого Света. Вторая главная компонента (2 ГК). Традиции с индексами от +0,24 до -0,24 (т.е. нейтральные по отношению к западному и восточному комплексам) на карте не показаны

нительно. Фольклор восточных саамов, коми, удмуртов, марийцев и чувашей занимает нейтральное положение между двумя комплексами (на карте на рис. 3 нейтральные традиции не показаны).

В Передней Азии граница между западным и восточным комплексами отделяет арабские традиции от тюркских и иранских. Интересна ситуация на юге Балкан и в центральном Средиземноморье. Фольклор греков и арабов Египта вполне «западный» (примерно как украинский или белорусский). У сербов, хорватов и румын также преобладает «западный» тренд, но выражен он не столь сильно. Еще слабее (на том же уровне, как у русских) «западный» тренд представлен в Болгарии, Македонии, на Сицилии, Мальте и в Ливии. Из-за того что фольклор арабов Туниса занимает нейтральное положение, он не показан на карте (в легенде к карте оговорено, что нейтральные традиции не обозначены). Албанский фольклор — единственный в своем регионе, в котором немного преобладает не «западный», а «восточный» тренд (примерно в той же степени, что у турок). Боснийцы, как и тунисцы, занимают нейтральное положение и на карте не обозначены, но данных по их фольклору пока недостаточно для окончательных выводов.

Читатель вправе засомневаться, каким образом близкородственные и заведомо похожие по сюжетному составу традиции демонстрируют столь значительные различия: украинцы и белорусы уверенно попадают в «западный» комплекс, а русские — тоже попадают, но «западных» мотивов в русском фольклоре лишь ненамного больше, чем «восточных». То же и в связи с сету. Хотя сету давно исповедуют православие и прожили на территории России дольше эстонцев, их фольклор все же напоминает эстонский, однако «западный» тренд у эстонцев гораздо лучше выражен, чем у сету. Еще один пример подобных различий между родственными традициями — уверенно «западное» положение скандинавских саамов и нейтральное — саамов Кольского полуострова.

Уже было сказано, что 2 ГК отражает всего лишь 4 % той информации, которую обработала статистическая программа. Соответственно без обращения к статистике «западный» или «восточный» тренд в наборах мотивов, зафиксированных в определенных традициях, вряд ли вообще можно заметить. Однако это не значит, что речь идет о незначительной случайности. Повторю еще раз: в русской, украинской, татарской и любой другой фольклорных традициях можно найти множество разнообразных параллелей с другими традициями. Но только на основе той информации, которая соответствует

2 ГК, все традиции нуклеарной Евразии удается ориентировать относительно некоего общего репера. Полученные данные позволяют заключить, что обмен информацией между группами людей был достаточно интенсивным на всей территории от Кавказа до Монголии, равно как и в пределах Европы от Атлантики примерно до Днепра. Обмен же информацией между этими двумя зонами был менее интенсивным. Насколько «менее» и можно ли подобный процесс вообще как-то изменить — это пока неясно.

Следует обратить внимание на разную степень выраженности «западного» тренда в традициях Африки южнее Сахары, с одной стороны, и Индокитая, Нусантары и Меланезии — с другой. В Африке соответствующие индексы выше, и реальные связи территорий к югу от Сахары со Средиземноморьем не вызывают сомнения, о чем мне приходилось писать еще до обращения к статистике [Березкин 2013: 277]. В Южной и Восточной Азии незначительно преобладает — вполне ожидаемо — не «западный», а «восточный» комплекс, а японский фольклор в этом смысле нейтрален — закономерное сочетание восточноазиатского фона и европейских заимствований. Но как объяснить незначительное преобладание западного комплекса в Индокитае, Нусантаре и на Новой Гвинее? Если бы речь шла о поздних европейских заимствованиях, то они могли бы скорее встретиться на Тиморе, чем в Верхней Бирме, а для фольклора папуа говорить о европейском влиянии вообще нелепо.

Можно предполагать, что в масштабах Старого Света «западный» комплекс является более ранним, традиционным, тогда как «восточный» представляет собой новообразование, возможно, связанное с экспансией культур востока евразийского степного пояса на протяжении последних двух тысяч лет. Характерно, что условные индексы для «восточного» комплекса по абсолютным значениям вдвое выше индексов западного комплекса (+5,1 у казахов, +4,5 у бурят, но лишь -2,3 у немцев, итальянцев и шведов). Соответственно легкий перевес «западных» мотивов в традициях, которые не могли иметь с западным комплексом исторических связей, означает лишь то, что в западном комплексе меньше инноваций, чем в восточном.

Что касается вероисповедания как фактора, потенциально ответственного за выявленную картину, то его воздействие не стоит преувеличивать. Турецкая экспансия на Балканах и в Средиземноморье, вероятно, сыграла свою роль в распространении «восточных» мотивов у албанцев, но Грузия и Армения, сохранив христианство, не стали «фольклорным западом».

Заключение

Непродолжительный период преобладания исторической проблематики в изучении устных традиций в конце XIX — начале XX в. в США, Северной Европе и, с оговорками, Германии закончился разочарованием в методике и теории подобных исследований и торжеством других направлений — психологизма, структурализма, функционализма. В отличие от данных археологии и в какой-то степени генетики и лингвистики, факты фольклора не имеют своей хронологии. Их приблизительная датировка возможна лишь путем сопоставления ареалов распространения определенных элементов фольклора с ареалами тех или иных общностей, реконструируемых по данным других исторических дисциплин. Век назад наши сведения о прошлом оставались совершенно неудовлетворительными. Кроме того, при отсутствии компьютера обработка массового фольклорного материала требовала несоизмерно больших усилий. Ныне положение кардинально изменилось, так что изучение совокупностей устных текстов способно внести серьезный вклад в реконструкцию прошлого. Ни одна другая историческая дисциплина этот источник данных не заменяет.

Полученные результаты являются своего рода побочным продуктом исследований, направленных на изучение более отдаленного прошлого. В частности, данные третьей ГК, которые в статье не рассматривались, указывают на существование североевразийской зоны межкультурных связей, которая близко совпадает с ареалом распространения ряда мотивов группы А (условно говоря, «мифов»). Древность формирования этой зоны может быть достаточно большой, вплоть до финального плейстоцена. Что же касается тех материалов, которым посвящена статья, то они, по-видимому, отражают относительно недавний обмен информацией в пределах Старого Света. Отдельные мотивы могут иметь древнее происхождение, но большинство образов и эпизодов, определяющих специфику как «западного», так и «восточного» комплекса, соответствует состоянию общества с технологией железного века и развитой социополитической иерархией. Причем многие подробности нельзя заменить другими, они определяют существенные особенности сюжета. Вместе с тем речь не может идти о культурных заимствованиях Новейшего времени, поскольку к XVIII в., а скорее всего, и несколькими столетиями раньше сказочный фольклор нуклеарной Евразии уже вполне сформировался.

Рассмотренные материалы позволяют очертить сферы взаимодействия между людьми — в пределах каких территорий кон-

такты были сильнее, а в пределах каких — слабее. Содержание же контактов могло быть любым — от рутинного общения на границах соседних популяций до дальних торговых экспедиций, военных походов и перевода литературных произведений. Мы обрабатываем массовые фольклорные материалы примерно так же, как химик анализирует сухую пленку на дне извлеченного из раскопа горшка, в котором когда-то был суп. О вкусе супа судить невозможно, но его ингредиенты частичной реконструкции поддаются.

Библиография

- Бараг Л.Г., Березовский И.П., Кабашиников К.П., Новиков Н.В.* Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л.: Наука, 1979. 437 с.
- Березкин Ю.Е.* Африка, миграции, мифология: ареалы распространения фольклорных мотивов в исторической перспективе. СПб.: Наука, 2013. 319 с.
- Aarne A.* Verzeichnis der Märchentypen. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1910. 66 p.
- Aarne A., Thompson S.* The Types of the Folklore: A Classification and Bibliography. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 p.
- Berezkin Y.E.* Serpent That Closed Sources of Water and Serpent That Devours Nestlings of Giant Bird: Assessment of the Age of the Dragon-fighting Myths in Eurasia // *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2014. Vol. 8. No. 1–2. P. 186–193.
- El-Shamy H.M.* Types of the Folktale in the Arab World: A Demographically Oriented Tale-type Index. Bloomington: Indiana University Press, 2004. 1255 p.
- Jason H.* The Russian Criticism of the “Finnish School” in Folktale Scholarship // *Norweg*. 1970. No. 14. P. 285–294.
- Marzolph U.* Typologie des persischen Volksmärchens. Beirut: Orient-Institut der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1984. 314 p.
- Tehrani J.J.* The Phylogeny of Little Red Riding Hood // *PLoS ONE*. 2013. Vol. 8. No. 11. e78871.
- Thompson S.* Motif-index of Folk-literature. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1932. Vol. 1. 427 p.
- Thompson S.* Motif-index of Folk Literature. Copenhagen; Bloomington: Indiana University Press, 1955–1958. Vol. 1–6.
- Thompson S., Roberts W.E.* Types of Indic Oral Tales. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1960. 181 p.
- Ting N.-T.* A Type Index of Chinese Folktales in the Oral Traditions and Major Works of Non-religious Classical Literature. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1978. 294 p.
- Uther H.-J.* The Types of International Folktales. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004. Vol. 1–3.

Areal Spread of Folklore Motifs as Information Exchange, or About the Borderline Between West and East

Yuri Berezkin

European University at St.Petersburg
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences
3 Universitetskaya emb., St.Petersburg, Russia
berezkin1@gmail.com

The author describes the results of statistical processing of data on the distribution of 548 motifs corresponding to episodes of adventure and tricks according to 309 traditions of the Old World. Factor analysis has been applied. The totality of traditions can be understood as a cloud of dots with uneven density. Traditions which contain similar sets of motifs are located close to each other and those that share a minimum number of common motifs are the most distant from each other. The program finds such assemblies of dots in pairs and confers every dot a conditional number which is positive for one group and negative for the opposite one. Every pair of assemblies of dots corresponds to a principal component of which the first two provide information on the most important tendencies. The intensity of the exchange of the motifs between traditions can be taken as a proxy for exchange of information between people in the pre-industrial epoch. The results of the analysis demonstrate that besides the Americas, Australia and Oceania, the islands of Southeast Asia and Northern and Northeastern Siberia were the most isolated regions from Nuclear Eurasia (the latter encompasses the Mediterranean, Europe, Southwest, Central, South and East Asia). The Nuclear Eurasian contacts of sub-Saharan Africa were significantly more intensive. The Chinese tradition contains much less typically Nuclear Eurasian motifs than the Korean and the Japanese ones. Inside Nuclear Eurasia itself, the Eastern and the Western interaction spheres can be selected, the borderline between them going across Eastern Europe and then separating the Turkic and Iranian traditions from the Arabian ones. Traditions of the Baltic peoples, Byelorussians and Ukrainians are in the western cluster, those of the peoples of the Caucasus, the Bashkir and the Volga Tatars in the eastern one. The Russians, the Setu (southeastern Estonians) and the Mordvinians have a slight preponderance of the western motifs while the Gagauz and the Crimea Tatars have a slight preponderance of the eastern motifs. An increase of the share of the eastern motifs in the southern Balkans and Central Mediterranean can be a consequence of the Osman onslaught. Though the described tendencies accumulate only 18% of all the information that the

factor analysis is able to extract from the data, just this information reflects the most significant regularities in the areal distribution of the motifs in continental scale.

Keywords: folklore databases, folklore indexes, folktales, cultural borders, Nuclear Eurasia, Eastern Europe.

References

- Aarne A., *Verzeichnis der Märchentypen*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1910. 66 pp.
- Aarne A., Thompson S., *The Types of the Folklore: A Classification and Bibliography*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1961. 588 pp.
- Barag L. G., Berezovski I. P., Kabashnikov K. P., Novikov N. B., *Sravnitelnyy ukazatel syuzhetov. Vostochnoslavyanskaya skazka* [Comparative Motive Index. East Slavic Folktales]. Leningrad: Nauka, 1979. 437 pp. (In Russian).
- Berezkin Y. E., *Afrika, migratsii, mifologiya: arealy rasprostraneniya folklornykh motivov v istoricheskoy perspektive* [Africa, Migrations, Mythology. Areas of Distribution of Folklore Motifs in Historical Perspective]. St.Petersburg: Nauka, 2013. 319 pp. (In Russian).
- Berezkin Y. E., 'Serpent That Closed Sources of Water and Serpent That Devours Nestlings of Giant Bird: Assessment of the Age of the Dragon-fighting Myths in Eurasia', *Aramazd: Armenian Journal of Near Eastern Studies*, 2014, vol. 8, no. 1–2, pp. 186–193.
- El-Shamy H. M., *Types of the Folktale in the Arab World: A Demographically Oriented Tale-type Index*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2004. 1255 pp.
- Jason H., 'The Russian Criticism of the "Finnish School" in Folktale Scholarship', *Norweg*, 1970, vol. 14, pp. 285–294.
- Marzolph U., *Typologie des persischen Volksmärchens*. Beirut: Orient-Institut der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1984. 314 pp.
- Tehrani J. J., 'The Phylogeny of Little Red Riding Hood', *PLoS ONE*, 2013, vol. 8, no. 11, e78871.
- Thompson S., *Motif-index of Folk-literature*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1932. Vol. 1.
- Thompson S., *Motif-index of Folk Literature*. Copenhagen; Bloomington, IN: Indiana University Press, 1955–1958. Vol. 1–6.
- Thompson S., Roberts W. E., *Types of Indic Oral Tales*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1960. 181 pp.
- Ting N.-T., *A Type Index of Chinese Folktales in the Oral Traditions and Major Works of Non-religious Classical Literature*. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1978. 294 pp.
- Uther H.-J., *The Types of International Folktales*. Parts 1–3. Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 2004. Part 1, 619 pp. Part 2, 536 pp. Part 3, 285 pp.